ВЫНОШУ НА ЗАЩИТУ

С 2002 г. журнал «Государственная служба» входит в перечень периодических научных и научно-технических изданий, в которых ВАК рекомендует публиковать основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы диссертационных исследований рецензируются экспертами РАГС.

Рекомендации авторам опубликованы на стр. 207.

Просим направлять материалы по электронному адресу: ***mgs@ur.rags.ru***

Влияние информатизации общества на социальные отношения

Антон ЧИЧКАНОВ – кандидат экономических наук, докторант кафедры социологии РАГС

Японский исследователь Т. Сакайя подтверждает наблюдение Р. Инглегарта о переходе в индустриально развитом мире к **постматериальной** (субъектно-субъектной, релятивистской) системе социальных отношений, к «экономике знаний», ссылаясь на все более заметно определяющий лицо современной экономики феномен «стоимости, создаваемой знанием». Этот феномен многократного ценового превышения себестоимости продукта исключительно из-за высокого общественного престижа предприятия, производящего данный продукт, мог возникнуть, пишет Т. Сакайя, лишь «в высокой степени **субъективированном** обществе, где стандартизация, подавляющая **субъектное** начало, уступает место множеству вариантов выбора, и немало людей готовы выбрать вариант оплаты этой дополнительной «нематериальной» стоимости» [1].

Нематериальный капитал знания-информации с лихвой компенсирует снижение доли материальных активов в общем капитале предприятия. Об этом свидетельствует тенденция абсолютного и относительного уменьшения стоимости основных фондов предприятия в расчете на единицу его инвестиционного капитала. Действительно, сравнение в этом отношении компаний «Ай-Би-Эм» и «Майкрософт» объясняет поразительный успех «Майкрософт» даже на фоне весьма успешной «Ай-Би-Эм», хотя стоимость основных фондов «Майкрософт» в расчете на каждые 100 долл. ее инвестиционного капитала в 23 раза меньше, чем в «Ай-Би-Эм» [2], по данным Т. Стюарта, общая капитализация «Майкрософт» на 1996 г. составила 85,5 млрд долл., а «Ай-Би-Эм» – 70,7 млрд долл. [3]. Следовательно, чем в большей мере на предприятии интеллектуальный капитал замещает материальные активы, тем больше эффективность предприятия.

Эта закономерность характеризует и «экономику знаний» в целом, поскольку снижают свои материальные активы не только интеллектуальные по профилю предприятия, вроде «Майкрософт», но и предприятия «материального» профиля – обрабатывающие и горнодобывающие. Согласно Т. Стюарту, если в США в 1982 г. доля материальных активов таких предприятий составляла 62,3% их (предприятий) рыночной стоимости, то в 1992 г. – уже 37,9% [3].

Наконец, современную тенденцию избавления от материальных активов в пользу интеллектуальной капитализации подтверждают компании, которые полностью виртуальны, полностью лишены материальных активов, поскольку организованы на принципах «холдинга наоборот» – когда все компании-части такого «холдинга» являются его собственниками, а не он владеет ими. «Холдинг наоборот» – это наглядный символ и реальность «экономики знаний» как важнейшей подсистемы социальной системы современного типа, отвечающего субъектно-субъектным («интеллектуально-нагруженным») отношениям.

По мнению известного социолога А. Турена, грядущее (постиндустриальное) и уже сегодня во многом реальное общество лишено «субъекта с большой буквы», т.е. **коммунитарного** субъекта, который бы дей-

ствовал не от себя, а от всего общества – разделяемых общественным большинством ценностей и запретительных норм [4].

А. Турен не доверяет индивидуальным субъектам, их способности и готовности созидать, а не разрушать социальную среду. Он выступает против «субъективации» общества, выстраивающей систему социальных отношений по типу «холдинга наоборот». Это означает, что А. Турен – сторонник автократического типа социальных отношений: его «субъект с большой буквы», не являясь **индивидуальным** субъектом, на деле оказывается массовым **объектом** управления со стороны неких привилегированных субъектов власти, от которых и исходят, для исполнения «простыми людьми», социальные ценности и запретительные нормы.

А. Турену вторит другой известный социолог – М. Кастельс, который также резко критикует складывающуюся сегодня парадигму социальных отношений, называя ее «обществом сетевых структур» (из-за «горизонтальной» структуризации социальных взаимодействий по фактору информационной глобализации современного социума) и полагая, что в унифицированных «сетевых структурах» исчезает «самобытный субъект», а вместо него проявляется «деструктивный субъект» [5]. При этом, подобно А. Турену, М. Кастельс противопоставляет «самобытный субъект» «деструктивному субъекту» как **общественный** субъект **индивидуальному** субъекту.

Таким образом, и для А. Турена и, для М. Кастельса субъектно-субъектные социальные отношения неприемлемы, «простому человеку» – **индивидуальному субъекту** – нельзя доверять в принципе: он обязательно воспользуется своим субъектным правом во зло обществу. Поэтому «простого человека» необходимо подчинить **власти** «уполномоченных» субъектов (государства, общины и т.п.), иначе говоря, он не должен претендовать на **индивидуально**-субъектный статус, но быть **общественным** субъектом – принадлежать «общине», ее ценностям и нормам.

М. Кастельс не рассматривает индивидуальный субъект в качестве носителя социальных ценностей и запретительных норм, он не ожидает от «рационального индивидуума» ничего иного, как только убийств, изнасилований и терроризма. По его логике, **субъектами** социальных ценностей и запретительных норм должны выступать некие «уполномоченные» субъекты, оказывающиеся «вышестоящей инстанцией» по отношению к «простым» субъектам, призванным к роли **объекта** власти «уполномоченных».

Существующие сегодня во многих странах мира, в том числе и в России, системы социальных отношений отвечают особому типу социальных систем – **переходным**. На наш взгляд, переходная социальная система заслуживает обособления в специальный тип, так как переходное состояние в принципе перманентное для социальных систем, и это хорошо доказывает охватившая с 1980-х годов многие страны и продолжающаяся уже по меньшей мере 20 лет социально-экономическая реформация.

Перманентность реформационных волн для социальной системы подтверждают и специальные исследования в рамках системного анализа общества, показывающие, что переходное общество не случайность, но периодически наступающее состояние приспосабливания системы социальных отношений к новой реальности, вызываемой технологическими революциями.

Социологическая (социально-преобразующая) сущность современных информационно-коммуникационных технологий хорошо удостоверена исследователями в самой разработке ими категории «информационное общество» [6]. Примечательно, что в «информационном обществе» социологи выделяют особую **социальную группу** – так называемое «компьютерное сообщество», отличающееся тем, что для этой быстро растущей группы компьютер является не просто техническим средством, но именно **социологической** «величиной», **образом жизни** [7].

Социальные отношения, отвечающие социоинформационным структурам, значительно усложняются в сравнении с обществом обычного типа. В информационном обществе возникает не только множество новых возможностей, но и множество новых проблем, что вынуждает к изменению самого типа социальных отношений. Их заставляет меняться Интернет, который предоставляет невиданные возможности доступа к мировым информационным ресурсам во всех областях человеческой жизнедеятельности.

Интернет перестраивает социальные отношения не только в связи с предоставлением обществу беспрецедентных информационных ресурсов, но и столь же беспрецедентной проблемой информационной безопасности – появления, наряду с глобальными туризмом и образованием, глобальных сил, использующих современные информационно-коммуникационные технологии в социально-деструктивных целях. Сегодня наибольшую опасность представляют структуры международного терроризма, которые, во многом благодаря «электронному» (глобальному) базированию, небезуспешно пытаются диктовать миру свои условия. Международное сообщество уже признало главной угрозой современному обществу именно международный терроризм, и это признание означает констатацию изменения всей системы социальных отношений.

Важнейшая социально-преобразующая роль компьютерных технологий состоит также в том, что на их базе создаются системы поддержки принятия решений (Decision support systems – DSS). DSS, предоставляющие «лицу, принимающему решения», средства распознавания, понимания и формулирования задач – прямое внедрение в социальные отношения научного инструментария, т.е. это и есть революция в социальных отношениях.

Как правило, гуманитарная парадигма изучает переходные социальные отношения в русле теории модернизации – в качестве сложного социально-экономического процесса, идущего с различной скоростью на разных взаимосвязанных уровнях: производственном (производительных сил и производственных отношений), социально-культурном (институтов, статусов, образа жизни, интересов, потребностей, ценностей).

Существует также **естественно-научная** парадигма анализа социальных отношений переходного типа, которая рассматривает переходные социальные системы с позиции синергетики, универсального эволюционизма, теории детерминированных систем с хаотическим поведением. Важное значение имеет **математическая** парадигма исследования переходных социальных отношений, разработавшая ряд полезных социологических моделей, одной из которых является, например, теория катастроф.

В рамках этой парадигмы базовым состоянием социальной системы признается состояние промежуточности между порядком и хаосом, характеризующееся:

- высокой восприимчивостью системы к внешним воздействиям;
- слабой связью между элементами системы и слабой зависимостью макрохарактеристик системы от свойств ее элементов;
- разделением системы на «ядро» и «периферию», обладающие разными свойствами строения и динамики;
- возможностью системных сдвигов, вызываемых по механизму цепной реакции каким-либо незначительным изменением в системе.

Таково состояние постоянной готовности социальной системы стать переходной социальной системой, т.е. перейти от состояния «между порядком и хаосом» к состоянию:

- изменения типа системы, когда нарушается ее целостность, возрастает степень открытости, увеличивается количество событий за единицу времени, может возникнуть дробление системы на ряд более мелких, относительно независимых систем, между которыми возможен антагонизм;
- одновременного существования четырех относительно независимых модусов

времени – прошлого, настоящего, будущего и неопределенного времени, которые порождают новые и неожиданные социальные явления;

- изменений, которые могут брать начало как на «периферии» (что чаще происхо-

ческой свободы «предвзятым» или малосущественным. Однако резкое понижение Россией своего рейтинга (на 10 пунктов) свидетельствует, что пока в стране отсутствует стратегия построения социальных отношений современного типа, отвечающих организационным условиям информационного общества и инновационной «экономики знаний».

Литература

1. *Sakaiya T.* The knowledge-value revolution, or A historyof the future. N.Y., 1991.
2. *Blair M.* Ownership and control: rethinking corporate governance for the twenty-first century. Wash., 1995.
3. *Stewart T.* Intellectual capital. The new wealth of organizations. N.Y.-L., 1997.
4. *Touraine A.* The Post Industrial Society. London: Wildwood, 1974.
5. *Castells M.* The rise of the network society. Malden; Oxford: Blackwell publishers, 1996; Castells M. The power of identity. Malden; Oxford, 1997.
6. *Костюк В.Н.* Информация как социальный и экономический ресурс. М., 1997; *Костюк В.Н.* К теории информационного общества // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник-1997 / Под ред. Гвишиани Д.М., Садовского В.Н. и др. М., 1997.
7. *Милованцев Д.* Общественные предпосылки становления информационного общества в России // Свободная мысль-XXI. 2003. № 11.
8. *Давыдов А.А.* Социальная информатика: переходные периоды в социальных системах // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник-1997 / Под ред. Гвишиани Д.М., Садовского В.Н. и др. М., 1997. С.99.

Изменение границ муниципального образования

Вячеслав ЗАХАРОВ – соискатель кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западной академии государственной службы

Голосование по вопросам изменения границ муниципального образования является одной из форм непосредственного народовластия и местного самоуправления. Конституцией Российской Федерации установлено, что изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, допускается с учетом мнения их жителей. Это новый правовой институт непосредственной демократии, введение которого вызвано демократизацией внутриполитической жизни российского общества. Вместе с тем представляется, что он имеет немало пробелов, неурегулированных правом.

Обратим внимание в первую очередь на ключевое слово в этой конституционной норме – «с учетом». **«С учетом мнения населения»** означает, что воля граждан, как минимум, не единственная в определении границ того муниципального образования, жителями которого они являются.

Другое умозаключение, вытекающее из данной нормы, состоит в том, что мнение населения – это вторичный фактор в процедуре принятия решения об изменении границ территории местного самоуправления. Оно носит факультативный характер. Основной орган, «изменяющий границы», не указан в Конституции РФ. В федеральных законах этим «основным органом, изменяющим границы», именуются законодательные